

RU

Музыка как элемент насилия и пыток

Тюриков В. Е.

Аннотация. В фокусе внимания настоящей статьи – актуальное направление научных исследований, рассматривающее взаимосвязь музыки, власти и насилия. Данная проблематика имеет долгую историю, множество возможных аспектов для изучения, разрабатывается в рамках целого ряда дисциплин, в том числе и музыковедческого характера. В статье рассматриваются: вопросы отличия музыки от всех иных форм искусства, «соприкосновение» музыки и насилия на протяжении нескольких исторических эпох, уделяется внимание наиболее резонансным методам использования музыки как «инструмента» для пыток и насилия. Цель исследования – сформировать комплексное понимание того, как взаимодействуют музыка и насилие, какие риски и потенциальные проблемы несет в себе сложившееся положение дел в этой сфере. Научная новизна исследования состоит в попытке систематизировать и обобщить имеющиеся научные данные и опыт в рамках данного направления, которое все еще продолжает быть относительно новым, в том числе и для отечественной науки. В результате произведен синтез текущего состояния исследований в области природы отношений, существующих между музыкой, насилием и властью, определены и очерчены первоочередные векторы для дальнейшего межнаучного взаимодействия.

EN

Music as an element of violence and torture

V. E. Turikov

Abstract. This article focuses on a current trend in scientific research that examines the relationship between music, power, and violence. This topic has a long history, many possible aspects for study, and is being developed within a range of disciplines, including musicology. The article considers the distinctions between music and all other forms of art, the "intersection" of music and violence throughout several historical eras, and pays attention to the most resonant methods of using music as a "tool" for torture and violence. The aim of the research is to develop a comprehensive understanding of how music and violence interact, and what risks and potential problems exist in this area. The scientific novelty of the research lies in the attempt to systematize and generalize existing scientific data and experience within this field, which is still relatively new, including for domestic science. As a result, a synthesis of the current state of research in the nature of the relationships between music, violence, and power is produced, and priority vectors for further interdisciplinary interaction are identified and outlined.

Введение

В современном мире музыка и те способы, которыми сегодня она распространяется, функционирует и находит своего слушателя, давно покинули границы привычного нам понимания. Право на выбор той музыки, которая нам нравится, и желание это право реализовать очень часто вступают в конфликт с правом других людей на выбор их собственной звуковой среды. «Вездесущность» музыки в настоящий момент может варьироваться от едва уловимого и неразборчивого пения, слышимого через стену соседней квартиры, до навязчивого рингтона мобильного телефона у пассажира автобуса или же губительно громких концертов в ночных клубах.

Подобный музыкальный опыт, получаемый вопреки какому-либо желанию слушателя, несет в себе очевидный вред для организма человека, вызывает стресс, повышает артериальное давление и ослабляет иммунитет. В случае, если экспансия нежелаемого звука или музыки будет продолжаться, то такой фактор может оказать самое серьезное влияние и на качество нашей жизни.

Проблематикой, связанной с изучением таких вопросов, как взаимосвязь музыки и насилия, социальное влияние музыки на современную жизнь или же раздражение, которое мы испытываем, слыша громкий рингтон мобильного телефона, занимается такое относительно новое направление научного знания, как практическое музыковедение.

Зачастую вопросы, которые изучаются в рамках практического музыковедения, прямо противоречат устойчивым, сложившимся представлениям о явлении музыки, бытующем в обществе, заставляют по-новому смотреть на феномен музыки сегодня. Вместе с тем подобная проблематика долгое время не получила широкого общественного внимания, находясь на «заднем плане» научных исследований. Очевидно, что обращение к такой обширной сфере, как взаимосвязь музыки и насилия, системный анализ различных ее аспектов, является актуальным в свете более совершенствующихся звуковых технологий, способных отчуждать современного человека от повседневности, вместе с тем усиливать чувство контроля над окружающим его пространством, помочь в разработке практических вопросов в области регулирования шума, вопросов звуковой безопасности.

Работа выполнена в соответствии с решением следующих задач:

- рассмотреть музыку с позиций сложного акустического, физиологического и культурного феномена, выявить ее отличия от иных художественных форм;
- выявить и обозначить характер практик соприкосновения музыки и насилия на протяжении различных временных периодов;
- изучить историю методов и практик использования музыки в качестве «инструмента» насилия, изложенную в современных научных источниках;
- синтезировать и систематизировать полученные знания, сформулировать обобщенное понимание о взаимодействии музыки, насилия и власти;
- обозначить ключевые практические проблемы, актуализирующие изучение музыки, пыток и насилия.

В работе использованы общенаучные методы: системный анализ, вторичный анализ результатов философских, социологических, музыковедческих исследований по проблемам взаимосвязи музыки, насилия и власти.

Объектом настоящего исследования являются негативные стороны феномена музыки, способные генерировать насилие.

Теоретическая база настоящей работы – работы зарубежных музыковедов Б. Джонсона и М. Клунана (Jonson, Cloonan, 2009), С. Кьюсик (Cusick, 2008; 2020), М. Дж. Грант (Grant, 2013; 2023), А. Папети и М. Дж. Грант (Papaeti, Grant, 2013), связанные с изучением различных аспектов исследования музыки, насилия и власти, музыки как элемента наказания, работа музыковеда А. Брансон (Brunson, 2021), специализирующейся на изучение музыки и насилия в лагерях Северного Вьетнама, труд психолога Ф. Зимбардо (2022), исследующего вопросы ситуационных влияний на поведение человека, а также исследователя Ю. Брауэр (Brauer, 2016), занимающейся изучением практик использования музыки в нацистских лагерях.

В ходе проведенной работы были получены следующие результаты: произведен синтез текущего состояния исследований в области взаимосвязи музыки и насилия, выявлены и намечены приоритетные направления для дальнейшего междисциплинарного взаимодействия, в том числе в области противодействия психологическому насилию. Подобные наработки могут быть применены в научно-преподавательской деятельности, в рамках курсов по манипулятивным практикам, публичных мероприятиях и в дискуссиях.

Обсуждение и результаты

Представление о музыке как о форме искусства, которая неизменно вдохновляет и облагораживает человека, прочно закрепилось в нашем сознании и восходит еще к временам Античности. Так, пифагорейцы, древнегреческий философ Аристоксен Тарентский считали, что музыка несет в себе целебную силу: в то время как медицина лечит тело, музыка успокаивает душу (Papaeti, Grant, 2013, p. 1). Спустя тысячи лет, музыка пронизывает все стороны повседневной жизни человека и способна заполнять собой как общественные городские площади, так и личное пространство индивида, вне зависимости от желания последнего.

Музыка выступает в качестве тактильного явления, которое органы чувств воспринимают при помощи вибраций (Jonson, Cloonan, 2009, p. 14). Звуковое действие может дополняться яркой визуальной составляющей, в ситуациях, когда мы присутствуем на «живом» выступлении музыкальной группы, слушаем музыку, путешествуя в машине, смотрим видеоклип по телевизору, лежа на диване. Переживания, которые при этом мы испытываем, тесно переплетаются с нашей памятью, эмоциями, впечатлениями, особенностями личности. Все они вместе с этим активируются с помощью звука, поступающего через человеческое ухо (Jonson, Cloonan, 2009, p. 14).

Природа звука обладает особыми свойствами, которые наделяют музыку энергией и силой, что роднит ее с шумом и кардинально отличает от других выразительных форм, таких как изобразительное искусство. Звук способен генерировать определенное воздействие на собеседника, создавать эффект, поражать. Звук наполняет собой то пространство, куда он поступает, вызывает ощущение «вездесущности» (Jonson, Cloonan, 2009, p. 14). Отсутствие представления о том, где находится источник звука, способно создать дискомфорт: от чувства легкой тревоги до неконтролируемой паники (Jonson, Cloonan, 2009, p. 18).

Одним из самых мощных и самых используемых в общении между людьми звуком является звук человеческого голоса (Jonson, Cloonan, 2009, p. 15). Голосовое высказывание, являясь по своей природе звуком тела «отправителя», транслируется непосредственно в социальное пространство и проникает в тело «получателя» (Jonson, Cloonan, 2009, p. 15).

Вместе с музыкальным сопровождением, такими факторами, как громкость и частота, а также словесным «наполнением» звук человеческого голоса может действительно захватывать и удерживать внимание слушателя. Так, в работах И. Перетц, Дж. Слободы, П. Жюслена говорится о том, что шестимесячные младенцы проявляют больший интерес и внимание к тем ситуациям, когда их матери поют, нежели к эпизодам, где они просто разговаривают со своими детьми (Jonson, Cloonan, 2009, p. 15).

До недавнего времени большинство академических междисциплинарных исследований, так или иначе связанных с изучением музыки, фокусировало свое внимание лишь на позитивных сторонах данного явления (Papaeti, Grant, 2013, p. 1). Получило широкое распространение практическое использование музыки в терапевтических целях, в психологической терапии (Brunson, 2021, p. 314). Экспериментальными исследованиями профессора Каледонского университета Глазго Л. Митчелл было доказано, что прослушивание музыки может оказывать даже обезболивающий эффект на тело человека (Jonson, Cloonan, 2009, p. 25).

Вместе с этим, как отмечают А. Папети и М. Дж. Грант, последние десятилетия XX века расширили общепринятые границы и подходы к исследованию феномена музыки (Papaeti, Grant, 2013, p. 1). На передний план выходит другая сторона явления, которую не принято было широко обсуждать ранее, – взаимодействие музыки и насилия. Ведь музыка, подобно медицине, может быть использована не только для лечения, но и для причинения вреда. Такая «темная» сторона музыки имеет долгую историю, которая разворачивалась в разные временные периоды и в абсолютно отличных друг от друга культурных сообществах, но неизменно была связана с публичными наказаниями, пытками и унижением (Papaeti, Grant, 2013, p. 1).

Исторические хроники Средневековья изобилуют фактами о музыке как о «полноправной участнице» военных противостояний – от крестоносцев короля Ричарда I, ведущего свою армию в бой под аккомпанемент труб и горнов, до «Непобедимой Армады» 1588 года, имевшей в своем составе трубачей, барабанщиков и дудочников (Accattatis, 2014, p. 2). Музыка решала в подобных условиях несколько задач: поднимала боевой дух и устрашала оппонентов.

Начиная со времени Средневековья и вплоть до XX века, музыка сопровождала практики «публичного порицания», иногда именуемые «шаривари» (Grant, 2023, p. 23). Подобные практики могли принимать разные формы, иногда даже более шуточные, чем карательные. Но даже при таких обстоятельствах, шум, пусть сатирический, выступал в качестве составного элемента ритуализированной демонстрации враждебности (Grant, 2023, p. 23).

Основной целью подобных ритуалов являлось восстановление единства того или иного сообщества, которое можно было достичь посредством предания гласности совершенному проступку, и коллективной попытки преодолеть его (Grant, 2023, p. 23).

Схожие цели преследовали другие практики и традиции «публичного порицания». К таковым можно отнести традицию «выбивания барабана» (drumming out), получившую особое распространение в британской армии в XVIII веке (Grant, 2023, p. 23-24). Данный ритуал предназначался для публичного разжалования дискредитировавшего себя солдата. Особую роль в этой процедуре играли именно барабанщики, которые исполняли свои партии на подобных мероприятиях (Grant, 2023, p. 23-24).

Говоря же о менее отдаленных во времени событиях, необходимо отметить, что начиная с 1930-х годов, с экспериментов американской компании “Muzak” по проигрыванию в лифтах расслабляющих мелодий, в поле широкого общественного и научного интереса попадает еще один аспект «темной стороны» музыки – попытки при помощи музыки регулировать поведение людей (Brunson, 2021, p. 317). Сегодня подобные стратегии практикуются крупными торговыми центрами, ресторанами, отелями, транслирующими для своих посетителей легкую фоновую музыку, «фирменную часть их бренда» (Jonson, Cloonan, 2009, p. 180). Целями этих стратегий заявляется желание как создать непринужденную и дружелюбную атмосферу для посетителей, так и стимулировать последних тратить больше денег. Или, как минимум, заставить их быть менее критически настроенными (Jonson, Cloonan, 2009, p. 182).

Музыку используют сегодня и для поддержания правопорядка (Jonson, Cloonan, 2009, p. 183). Примечательны случаи транслирования классической музыки в метрополитене британского города Ньюкасл-апон-Тайн, а также в лондонском метро, которые преследовали своей целью предотвращение нарушений общественного порядка. Представитель компании Metronet, обслуживавшей метро в Ньюкасл-апон-Тайн, впоследствии пояснил, что такие меры, вероятно, позволили уменьшить число молодежи, слонявшейся без дела по территориям станций, потому как для них не принято было находиться вблизи мест, где звучит подобная музыка (Jonson, Cloonan, 2009, p. 183).

К сожалению, появление современных звуковых технологий позволило также развить методы по использованию звука и музыки для причинения вреда и боли человеку. Наиболее ужасающим примером в этом контексте являются практики, связанные с использованием музыки в нацистских концентрационных лагерях смерти. Музыка была частью повседневной жизни в нацистских лагерях, при этом «сплеталась» с творившимся там безумием и сама становилась его частью (Jonson, Cloonan, 2009, p. 73).

Включение музыки и пения в лагерную жизнь преследовало своей целью сломить узников как физически, так и психологически. Пленных заставляли петь во время маршировки или физических пыток, чтобы усилить оказываемое на них воздействие. Нередко узников лагерей заставляли петь под открытым небом при плохих погодных условиях, либо петь, принимая унижительные позы.

Эстетическая и моральная логика искажались в подобных местах до неузнаваемости. Так, лес вблизи концлагеря Штрутхоф во Франции стал печально известен в качестве «леса песен», где крики замученных жертв заглушались классической музыкой, неустанно транслируемой через звуковые динамики (Jonson, Cloonan, 2009, p. 73).

Исследователь Ю. Брауэр (Brauer, 2016, p. 23-25) относит практиковавшиеся в «лагерях смерти» методы по принуждению как к прослушиванию, так и к исполнению музыки, к актам насилия. Заключение, по большей части профессиональные музыканты, вынужденные играть в оркестрах на территории нацистских

лагерей, нередко становились жертвами полнейшего психологического и физического истощения. Созданная в подобных местах среда и условия «разъединяли» музыку и присущие ей позитивные свойства, лишали музыкантов возможности задействовать их ранее приобретенный культурный опыт, умения и знания, чтобы помочь им выжить (Brauer, 2016, p. 23-25).

Как отмечает Ю. Брауэр (Brauer, 2016, p. 23-25), исследования в области применения музыки в нацистских лагерях долгое время имели неопределенный статус и не становились предметом широкомасштабного научного интереса в том числе по причине недостаточного информирования общественности и ограниченной доступности информации по подобной проблематике.

Наибольший же интерес и мощный общественный резонанс тема музыки как «оружия» получила лишь в 2000-х годах после обнародования методов и практик допросов, использовавшихся в отношении заключенных в американских тюрьмах Гуантанамо и Абу-Грейб, после террористических атак 11 сентября 2001 года – приблизительно по 2004 год (Зимбардо, 2022, с. 420-421, 591, 594). Методы воздействия на заключенных в подобных местах включали в себя: оскорбления и унижения с сексуальным подтекстом, а также унижения, связанные с вопросами религии и культуры; лишение сна; физические пытки, создающие состояния страха и тревоги, например «пытка водой» или гипотермия (пытка холодом), запугивание собаками (Зимбардо, 2022, с. 421, 617). Данные методы дополнялись воздействием на задержанных криками, громкой музыкой и управлением светом (Зимбардо, 2022, с. 421, 617).

Использование музыки и звуков вместе с другими методами, не оставлявшими видимых следов на телах задержанных, явилось ответом на стоявшую перед американскими спецслужбами задачу по «гуманизации» методов допросов после событий 11 сентября 2001 года (Brunson, 2021, p. 326). Такие шаги стали ответом на необходимость принятия срочных мер по поиску и привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении террористических преступлений, и вместе с тем позволяли спецслужбам обойти правовые ограничения, которые были наложены на методы, которые им дозволено было использовать (Brunson, 2021, p. 326). Кроме того, «расширенные методы допроса» были направлены на то, чтобы убедить задержанного в бессмысленности и бесполезности любого сопротивления (Brunson, 2021, p. 327).

Музыка в лагерях Гуантанамо, Абу-Грейб звучала, как правило, настолько громко, чтобы можно было принести ощутимый вред для органов слуха жертв. Подобный «прием» позволял музыке и звукам «заполнить» собой как все физическое пространство, окружающее заключенных, так и их разум, заставить почувствовать себя «вне границ этого мира» (Cusick, 2008, p. 6).

Именно музыка, нежели чем какое-либо другое звуковое сопровождение, чаще применялась при так называемых «расширенных методах допроса». В этой связи особый интерес представляет выбор музыкальных произведений, которые использовались в Гуантанамо, Абу-Грейб и других лагерях для оказания воздействия на заключенных. Как отмечает музыковед М. Дж. Грант, «...то, как музыка воздействует на нас, даже на физиологическом уровне, в значительной степени зависит от того, а хотим ли мы слышать эту музыку» (Grant, 2023, p. 21).

Зачастую в так называемый «плей-лист Гуантанамо» включались популярные музыкальные жанры и формы, отличающиеся агрессивным звучанием и провокационными текстами. Поэтому неудивительно, что чаще всего заключенные, в рамках американской «войны с террором», подвергались воздействию тяжелого рока, хип-хопа и рэпа (Jonson, Cloonan, 2009, p. 151-152).

Важно отметить, что действия по использованию музыки против заключенных в вышеуказанных американских лагерях, помимо очевидных моментов, связанных с громкостью звука и оскорбительным характером текста того или иного музыкального произведения, обладали еще одним эффектом, не столь очевидным на первый взгляд.

Невозможность контролировать услышанное отражала утрату индивидуальной автономии и демонстрировала власть культурной суперсилы над жертвой (Jonson, Cloonan, 2009, p. 158). Будучи неспособной скрыться от звуков культурно и экономически превосходящей человека «суперсилы», жертва подобных практик «растворялась» в потоке неустанно звучащих американских хитов (Jonson, Cloonan, 2009, p. 158). Поэтому музыка в тюрьмах Гуантанамо и Абу-Грейб была чем-то большим, чем просто составляющая «пыток без прикосновений», символическим компонентом претензий на «глобальное превосходство» (Jonson, Cloonan, 2009, p. 158).

Несмотря на доминирование в «плей-листе Гуантанамо» композиций в стиле рэп, хип-хоп и тяжелого рока, в него включались и весьма необычные произведения. Например, песенки из детской телевизионной программы «Улица Сезам» или песня фиолетового динозавра Барни. Однообразный ритм таких песен и несерьезное содержание делали подобные композиции «эффективным раздражителем» (Friedson, 2024, p. 168).

Вероятно, использование такого «материала» также несло в себе и «скрытую издевку» над жертвами пыток. В случае же предания подобным практикам общественной огласки, информация об использовании детских песен для истязаний могла помочь свести ситуацию в юмористическое русло, получить необходимую общественную поддержку (Bruce, Cloonan, 2009, p. 190).

Большинство бывших задержанных, прошедших подобные пытки, получили невосполнимый вред для своего здоровья. Помимо физического урона, нанесенного их органам слуха, они до сих пор страдают от приступов тревожности, паранойи, боятся покидать свои дома (Brunson, 2021, p. 340). «Сама музыка стала для них безвозвратно потеряна» (Brunson, 2021, p. 334).

К сожалению, реакция научного сообщества и широкой общественности на события в Абу-Грейб и Гуантанамо была неоднородной. В 2008 году американское музыковедческое сообщество и Сообщество этномузыкологии выпустили совместную «резолюцию, осуждающую использование музыки для организации физических

и психологических пыток» (Papaeti, Grant, 2013, p. 2). В 2008 году в Европе была создана исследовательская группа «Музыка, конфликт и государство», призванная выявлять, расследовать, документировать и теоретически осмысливать использование музыки в связи с насилием (Papaeti, Grant, 2013, p. 2).

Важные и актуальные исследования в этой области были проведены профессором С. Кьюсик, первой принявшей попытку теоретически осмыслить вопрос музыки как оружия, сформулировать и обосновать идеи о том, как музыка и звук воздействуют на личность в условиях «методов усиленных допросов» (Cusick, 2008; 2020).

В отличие от научных кругов, средства массовой информации зачастую преподносили информацию о пытках музыкой в юмористическом ключе или заявляли, что тиражирование подобных историй обесценивает само понятие «пытки». Интернет-пространство заполнили люди, выражавшие свои идеи относительно того, что можно считать пыткой музыкой (Cusick, 2020, p. 10).

Ряд представителей музыкальной общественности, в частности композитор Кристофер Серфф, и вовсе озвучивали весьма специфическую позицию. Автор песен «Улицы Сезам» заявил, что готов зарабатывать деньги на своем творчестве, даже если оно используется для пыток, аргументируя это тем, что талант заслуживает вознаграждения вне зависимости от последствий (Jonson, Cloonan, 2009, p. 190). Звучали мнения о том, что за возмущением относительно «атаки» на саму музыку необходимо не забывать и о конкретных людях, ставших жертвами «пыток музыкой» (Grant, 2013, p. 11).

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно говорить, что «пытки без прикосновений» явились своеобразным результатом эволюционирования нацистских практик по использованию музыки в концентрационных лагерях. Новые методы, опробованные в Гуантанамо и Абу-Грейб, активно «встраивали» музыку в ситуации, когда заключенные испытывали физическую боль и патологический страх, способствовали разрушению внутреннего мира жертв. Одновременно с этим музыка как «элемент» пыток помогала мучителям в установлении культурного и морального превосходства над своими жертвами.

В рамках развернувшегося впоследствии общественного обсуждения, в том числе в музыкальном сообществе, относительно того, может ли музыка быть «инструментом» насилия, до настоящего момента не было выработано единого целостного понимания сложившейся ситуации, общих подходов.

Перед исследованиями в данной области стоит целый круг весьма насущных проблем, требующих своего разрешения и осмысления, как то: вопросы стандартов в оценке и цензуре тех или иных музыкальных жанров и произведений; насколько приход современных звуковых технологий повлиял на наше восприятие музыки; проблемы терапии современных «звуковых травм» и т. д.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного нами исследования сделаем следующие выводы:

1. Музыка, переживаемый нами музыкальный опыт представляют собой важнейшие культурные практики, способные оказывать влияние на наш внутренний мир и эмоции, создать эффект «всеприсутствия».

2. В отличие от других форм искусства, способных лишь изображать насилие, музыка, являясь сложным акустическим феноменом, может сама выступать в качестве «агента насилия».

3. Негативное воздействие музыки может реализовываться при помощи двух частично пересекающихся между собой способов: как на биологическом, так и на психологическом уровне воздействия на человека. При этом мы не можем говорить, что сама по себе музыка или же конкретный музыкальный жанр порождают насилие, равно как и то, что при наличии определенных обстоятельств и контекста это невозможно.

4. На протяжении различных временных периодов музыка, организованное пение и игра на музыкальных инструментах неотъемлемо ассоциировались с военной мощью, давали возможность людям очертить принадлежавшую им территорию, заявить о своей индивидуальной и коллективной идентичности. Вместе с этим музыка и звук постепенно политизировались, превращаясь в средство как награды, так и наказания.

5. Современные звуковые технологии позволяют музыке быть сегодня в любом месте, и в любой момент. Негативные, «темные» стороны музыки прочно вошли в нашу повседневную жизнь, стали ее неотъемлемой частью, давно покинув границы тюрем Гуантанамо и Абу-Грейб.

6. Пытки музыкой и звуком как одна из форм недопустимого обращения не ограничиваются лишь вопросами того, на какой громкости необходимо транслировать музыку, чтобы причинить вред. При наличии определенных условий и контекста использование музыки способно унижать, демотивировать, создавать ощущение безысходности и т. д.

Перспективы исследований в данной области заключаются в дальнейшей работе по осмыслению подобной проблематики в контексте представлений о единстве «разума и тела», что могло бы существенным образом помочь в вопросах борьбы с психологическими пытками, развенчать существующие в обществе представления о том, что пыткой является лишь то, что оставляет шрамы.

Анализ взаимоотношений музыки и насилия важен для понимания механизмов дегуманизации в различных государственных учреждениях, включая тюрьмы и медучреждения. Зачастую в подобных местах искусственно созданная социальная среда, эмоциональные предрассудки, потеря личного пространства становятся основой для постепенной эскалации власти. Представляется, что исследования в области взаимодействия музыки и насилия могли бы сыграть свою важную роль в разрешении и этого круга вопросов, изменить обстоятельства, приводящие к систематическим практикам недопустимого обращения.

Источники | References

1. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев? / пер. с англ. Изд-е 6-е. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
2. Accattatis M. Music, Violence, and Militarism: A Study on the Reflexivity of Culture. Rutgers University, 2014. <https://doi.org/10.17613/4783-f539>
3. Brauer J. How Can Music Be Torturous? Music in Nazi Concentration and Extermination Camps // Music and Politics. 2016. Vol. 10. Iss. 1.
4. Brunson A. M. Faith, Hope, and Torture: Music in the Prisoner-of-War Camps of North Vietnam: Dissertation. Memphis: The University of Memphis, 2021.
5. Cusick S. G. Music as Torture / Music as Weapon. 2020. https://web.archive.org/web/20070207092801/http://www.sibetrans.com/trans/trans10/cusick_eng.htm
6. Cusick S. G. "You Are in a Place That Is Out of the World...": Music in the Detention Camps of the "Global War on Terror" // Journal of the Society for American Music. 2008. Vol. 2. No. 1.
7. Friedson S. M. Chapter 8. Music at the Edge: American Torture and African Trance // Egalitarian Dynamics / eds. B. Kapferer, M. Gold. N. Y.: Berghahn Books, 2024.
8. Grant M. J. Bleed a Little Louder: Sound, Silence and Music Torture // Virus – Beiträge zur Sozialgeschichte der Medizin. 2023. Vol. 21. <https://doi.org/10.1553/virus21s015>
9. Grant M. J. The Illogical Logic of Music Torture // Torture: Quarterly Journal on Rehabilitation of Torture Victims and Prevention of Torture. 2013. Vol. 23.
10. Jonson B., Cloonan M. Dark Side of the Tune: Popular Music and Violence. Abingdon: Routledge, 2009.
11. Papaeti A., Grant M. J. Introduction // Torture Journal. 2013. Vol. 23. No. 2.

Информация об авторах | Author information**RU****Тюриков Владимир Евгеньевич¹**¹ Ростовская государственная консерватория им. Рахманинова**EN****Vladimir Evgenyevich Turikov¹**¹ Rachmaninov Rostov State Conservatory¹ turikov.vladimir@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 14.05.2025; опубликовано online (published online): 25.06.2025.

Ключевые слова (keywords): пытки «без прикосновений»; воздействие музыки; Гуантанамо; заключенные; физический вред; унижение; контроль; no-touch torture; impact of music; Guantanamo; prisoners; physical harm; humiliation; control.